

ХХІ. 3. 1. Франк А

Бесужев - Рюмин К. № 8

№ 422. № 6

Из жур.
М. Н. Пр.

БИБЛИОТЕКА
О-ва для достав. средств
В. Ж. КУРСАМЪ.

БИБЛИОТЕКА
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

559/97

КАРАМЗИНЪ КАКЪ ИСТОРИКЪ ¹⁾.

Собираясь занять вниманіе ваше, мм. гг., нѣсколькими мыслями о Карамзинѣ, какъ историкѣ, я вполне сознаю, что беру на себя обязанность, хотя и пріятную, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудную. Пріятно говорить о томъ произведеніи, съ которымъ связаны для меня, какъ и для многихъ, дорогія воспоминанія дѣтства: по „Исторіи Государства Россійскаго“ мы знакомились съ тѣмъ что совершалось въ давніе годы; въ ней находили мы уроки высокой нравственности: учились любить родную землю, любить добро, ненавидѣть зло, презирать ложь, лесть и коварство; въ живыхъ образахъ являлись намъ и великіе подвиги, и позорныя дѣянія; яркіе образы запечатлѣвались въ памяти и на всю жизнь становились свѣтлыми маяками. Каждый изъ насъ, кто занялся исторіей своей страны, занялся, можетъ-быть, и потому отчасти, что впервые онъ познакомился съ нею въ высокохудожественномъ разказѣ Карамзина, и въ позднѣйшіе годы много разъ обращаясь къ знакомымъ страницамъ, находилъ здѣсь поученія другаго рода: учился какъ относиться къ источникамъ, какъ ихъ находить, какъ ихъ изучать. Провѣряя Карамзина по источникамъ, каждый убѣждался въ томъ, что если теперь и есть успѣхъ въ занятіяхъ русскою исторіей, то самый успѣхъ этотъ зиждется, какъ на твердомъ основаніи, на великомъ твореніи Карамзина; каждая новая попытка возсоздать въ цѣломъ прошедшую судьбу Русскаго народа была только новымъ доказательствомъ недосягаемаго величія „Исторіи Государства Россійскаго“ — этой единственной исторіи въ полномъ смыслѣ слова, какую только имѣетъ Русская земля. Не разъ мы были свидѣтелями страннаго явленія: поднимаются голоса противъ Карамзина; но вотъ является попытка поставить на его мѣсто или по крайней

¹⁾ Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго университета 2-го декабря 1866 года.

мѣръ рядомъ съ нимъ другое имя, и что же? — дѣло кончается тѣмъ, что по общему сознанию, мѣсто Карамзина остается за нимъ, и по-прежнему не кого поставить съ нимъ рядомъ. Вотъ почему не мнѣ только, но многимъ и многимъ пріятно говорить о Карамзинѣ; но не все то легко что пріятно: оцѣнить всѣ заслуги Карамзина трудно въ немногихъ словахъ. Карамзина каждый занимающійся узнаетъ и оцѣниваетъ самъ, и чѣмъ усерднѣе работаетъ, тѣмъ болѣе узнаетъ и оцѣниваетъ; каждое обращеніе къ этому высокому памятнику русской науки открываетъ внимательному работнику новыя стороны въ немъ и ярче выказываетъ всю недостижимость этого почти идеальнаго совершенства. Вотъ почему трудно говорить о Карамзинѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый занимающійся чувствуетъ нравственную потребность, — скажу даже болѣе — долгъ помянуть того, кому такъ много обязанъ въ своемъ человѣческомъ развитіи, чѣмъ трудомъ такъ много пользовался и учась, и уча, и будетъ пользоваться, пока будетъ и учиться и учить.

Пушкинъ замѣтилъ чрезвычайно остроумно и мѣтко, что Карамзинъ открылъ древнюю Русь, какъ Колумбъ открылъ Америку. Въ концѣ XVIII, а особенно въ началѣ XIX вѣка, въ эту пору самага сильнаго разгара русскаго европеизма, въ такъ-называемой образованной *средѣ*, древность русская была совершенно неизвѣстна: мѣсто отцовскихъ библіотекъ, состоявшихъ изъ старыхъ рукописей, заняли въ боярскихъ палатахъ собранія французскихъ писателей XVIII вѣка и ихъ англійскихъ первообразовъ, разумѣется, во французскомъ переводѣ; старинное воспитаніе, съ дѣтства пріучавшее слухъ къ звукамъ языка церковно-славянскаго, то воспитаніе, о которомъ съ такимъ умиленіемъ воспоминаетъ фонъ-Визинъ, отошло въ область преданій; русскія дѣти съ самага нѣжнаго возраста залепетали по французски; многіе герои 12-го года и думали, и говорили по французски; самъ Растропчинъ былъ остроумнѣе на французскомъ языкѣ, чѣмъ въ своихъ знаменитыхъ афишахъ, гдѣ счелъ нужнымъ явиться, для возбужденія патріотизма, въ народномъ зипунѣ. Въ высшихъ сферахъ дѣйствуютъ — какъ видно изъ книги барона Корфа и нѣкоторыхъ недавно изданныхъ источниковъ — галломаны, англومانъ и даже враги Россіи. Наполеоновъ кодексъ — созданіе отвлеченнаго мышленія — переводится на русскій языкъ и назначается служить руководствомъ въ нашихъ судахъ и училищахъ; поэты, въ минуту опасности отечества, чтобъ одушевить войско, взываютъ къ тѣнямъ героевъ прежнихъ лѣтъ, и встаютъ на ихъ зовъ тѣни Оссіановыхъ героевъ, только

названные русскими именами; въ этихъ туманныхъ картинахъ мы не узнаемъ тѣхъ, чьи имена должны быть дороги сердцу каждаго Русскаго; лица, создаваемыя воображеніемъ тогдашнихъ поэтовъ, такъ же мало похожи на русскихъ людей, какъ эти герои на русскихъ героев: это — лица Расина или Мольера, но не живые русскіе типы. Къ памятникамъ старины не было никакого уваженія: если великая Екатерина, умѣвшая своимъ высокимъ духомъ породниться съ Россіей, усвоить себѣ ея интересы до того, что никогда не могла помириться съ мыслию о господствѣ чужеземцевъ въ древней столицѣ Льва Даниловича, — если она не допустила осуществиться безумному замыслу Бажанова, обратить Кремль въ огромный дворецъ, то въ XIX вѣкѣ смотрѣли на сохраненіе памятниковъ старины вовсе не такъ строго: въ книгѣ г. Забѣлина ¹⁾ можно найти правдивую оцѣнку дѣятельности бывшей Кремлевской экспедиціи. — Екатерина велѣла собрать въ одно мѣсто всѣ историческія рукописи; но послѣ ея кончины приказано было разослать ихъ по тѣмъ мѣстамъ, откуда онѣ были взяты; онѣ были, говорятъ, свалены на вozy и отправлены по назначенію. Сколько погибло ихъ по дорогѣ, до этого никому не было дѣла; да и многіе ли не считали тогда «*грамоты царей*», по знаменитому выраженію Пушкина, «*за тильный сборъ календарей?*» Только тамъ, гдѣ еще живы были преданія старины, гдѣ еще читали лѣтописи и хронографы, тамъ безсознательно жилъ русскій духъ, любовь и уваженіе къ славѣ предковъ: то была сфера грамотныхъ простолюдиновъ. Еще Новиковъ замѣтилъ въ предисловіи къ Живописцу: „У насъ тѣ только книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которыя симъ простодушнымъ людямъ, по незнанію ихъ чужестранныхъ языковъ, нравятся“. Это сказано при Екатеринѣ, когда примѣръ Великой Царицы обяыивалъ, если не быть, то казаться Русскимъ, и когда европеизмъ еще не вошелъ глубоко въ плоть и кровь; а что же было послѣ? Читайте повѣсть Растопчина: „Охъ, Французы!“ Читайте *Русскій Вѣстникъ* Глинки. Кто хотѣлъ возбудить патріотизмъ, тотъ употреблялъ для этой цѣли исторію, и исторія отъ отсутствія чувства мѣры переходила въ хвалебный гимнъ всему что только носитъ имя русскаго; такая исторія, конечно, никому не была нужна и только наводила на скептицизмъ, а такою была „Русская Исторія“ Сергѣя Глинки, въ которой, по мѣткому выраженію Полеваго, Святополкъ Окаянный заткнетъ за поясъ любаго героя добродѣтели. Въ такую-

¹⁾ См. его «Домашній бытъ Русскихъ Царей», т. I, стр. 101—105.

то пору Карамзинъ написалъ свое письмо къ Муравьеву, и получивъ благопріятный отвѣтъ, „постригся въ историки“ (выраженіе кн. Вяземскаго). 12 лѣтъ онъ работалъ безъ отдыха, собиралъ, оцѣнивалъ матеріалы, приводилъ ихъ въ стройную систему и не разъ перерабатывалъ свой планъ, уничтожалъ совершенный трудъ. Наконецъ, послѣ этой продолжительной, безустанной работы, онъ представилъ первые восемь томовъ своей исторіи. Что же онъ нашелъ готовымъ, на сколько онъ самъ былъ готовъ къ своему труду? Въ отвѣтъ на эти вопросы позволю себѣ припомнить въ общихъ чертахъ состояніе науки русской исторіи передъ началомъ работы Карамзина.

Изданіе источниковъ началось еще въ XVIII вѣкѣ; но бѣлая часть рукописей были и прочитаны, и изданы чрезвычайно небрежно. Всѣмъ извѣстно, какъ князь Щербатовъ въ изданіи такъ-называемаго „Древняго Лѣтописца“, вмѣсто: „утечьими ловцы“, читалъ: „Утечь и Миловцы“, принимая эти слова за собственныя имена ¹⁾). Львовъ, издавая „Русскій Временникъ“, оговаривался въ предисловіи, что за слогъ онъ не отвѣчаетъ. „Все дѣло мое было, говоритъ онъ, привести оныя (старыя тетради; что за тетради, это объяснить издатель счелъ за лишнее) только въ корядокъ, исправить ошибки писцовъ, объяснить неупотребительныя слова и вычеркнуть нѣкоторыя нелѣпости“. Для объясненія неупотребительныхъ словъ издатель счелъ возможнымъ замѣнить ихъ въ текстѣ словами новаго времени: напримѣръ, вы встрѣчаете слово „баталія“ въ описаніи битвы Ярослава съ Святополкомъ, и т. д. Не считаю уже нужнымъ послѣ этого говорить о Барковѣ, исказившемъ Радзивилловскій списокъ начальной лѣтописи. Изданія были до того небрежны, что страницы, перепутанныя въ рукописи, путались и въ изданіи и даже въ изложеніи исторіи: такъ случилось съ Царственною Книгой. Щербатовъ напечаталъ ее такъ, какъ нашелъ въ рукописи, и отнесъ событія, записанныя на перепутанныхъ листахъ, къ тѣмъ годамъ, куда они попали ошибкой. Самые важныя списки лѣтописи оставались не только не изданными, но даже не извѣстными; такъ, Шлецеръ, списавшій себѣ первыя страницы Ипатьевского списка, не подозрѣвалъ даже, что въ томъ же спискѣ заключается Кіевская лѣтопись, извѣстная только Татищеву, и Волынская, никому неизвѣстная. Въ послѣдствіи Карамзинъ нашелъ этотъ списокъ въ числѣ дефектовъ академической бібліотеки. Если не было хорошихъ изданій лѣтописи, то тѣмъ менѣе можно было ждать уче-

¹⁾ Древній Лѣт. I, 22.

ныхъ коментаріевъ, и дѣйствительно только Шлецеръ началъ объясненіе нашихъ лѣтописей, и въ ту пору появился одинъ первый томъ его „Нестора“. Только Шлецеръ (иногда, можетъ-быть, и черезчуръ строго) началъ отдѣлять источники, годные къ употребленію, отъ негодныхъ, сталъ добиваться, какимъ путемъ дошли извѣстія; прежде объ этомъ такъ мало думали, что даже Болтинъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ и даровитыхъ дѣятелей по русской исторіи, упрекалъ Щербатова за то, что онъ извѣстія Татищевскія не предпочиталъ лѣтописнымъ; коментаріи самаго Татищева ограничивались по большей части соображеніями здраваго смысла. Его примѣчанія интересны главнымъ образомъ своими указаніями на нравы и обычаи XVII и XVIII вѣка, и вовсе не имѣютъ цѣны, какъ ученныя объясненія самаго текста. Какъ печатали лѣтописи, такъ печатали и грамоты: печатали то, что подъ руку попадется, съ перваго попавшагося списка, и рѣдко заявляли, откуда взята грамота. Ученыхъ пособій совсѣмъ не было: генеалогическія таблицы были такъ перепутаны, что одинъ князь являлся два раза сыномъ двухъ разныхъ князей. Такъ у Щербатова случилось со Всеволодомъ Чермнымъ. Вообще, чтобы понять всю эту путаницу, происшедшую отъ неумѣнья согласить два разные источника — лѣтопись и родословныя, стоитъ взять второй томъ исторіи Щербатова. Географія древней Россіи была не въ лучшемъ состояніи: постоянно путались такіе извѣстные города, какъ Владиміръ на Клязьмѣ и Владиміръ на Волыни, такіе народы, какъ Болгары Камскіе и Болгары Дунайскіе. Состояніе археологіи было таково, что въ 1824 году, уже послѣ изданія исторіи Карамзина, ученое общество печатаетъ въ своемъ изданіи описаніе Грузинской хоругви Св. Владиміра. Конечно, нашелся Оленинъ, доказавшій ея поддѣльность; но тѣмъ не менѣе возможенъ ли былъ бы этотъ фактъ при другомъ состояніи науки? О миѳологіи уже и говорить не стоитъ: въ XVIII вѣкѣ миѳологію считали дѣломъ празднаго любопытства, и миѳографы, для забавы читателя, изобрѣтали не только обряды, но даже боговъ. Къ этому еще слѣдуетъ прибавить огромное количество недоразумѣній: такъ, изъ Перунова *уса злата* сдѣлали бога *Усада*, и потомъ уже приписали ему разные атрибуты. Такъ писалась у насъ миѳологія; тотъ же взглядъ замѣтенъ и въ собраніи пѣсенъ, сказокъ и т. п. Въ сборникахъ постоянно являлись присочиненныя пѣсни и сказки: изслѣдователи не только не умѣли отличать ихъ отъ дѣйствительно народныхъ, но даже не считали этого нужнымъ, ибо и произведенія народной словесности считали занятіемъ празднаго любопытства, и то

для черни. Вспомнимъ, съ какимъ презрѣніемъ относился, напримѣръ, Сумароковъ, не говоря уже о Тредьяковскомъ, къ произведеніямъ народной словесности; Державинъ, понимая эту поэзію чувствомъ, и для времени пользуясь ею довольно удачно, очевидно, предпочиталъ ей оссіанизмъ — эту передѣлку первоначальной поэзіи на нравы XVIII вѣка.

Все это было чрезвычайно понятно: наука всякая, а съ тѣмъ вмѣстѣ и историческая, была новостью въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка; оттого весь XVIII вѣкъ прошелъ въ намѣчиваніи границы этой науки, въ ея, такъ-сказать, генеральномъ размежеваніи, въ общей описи ея сокровищъ. Самое это дѣло сопряжено было съ громаднымъ трудомъ, и съ изумленіемъ останавливаешься предъ неутомимою дѣятельностію Миллера, громадные портфели котораго еще до сихъ поръ не исчерпаны вполнѣ, хотя около ста лѣтъ пользуются ими, въ журналахъ котораго еще до сихъ поръ много важныхъ и полезныхъ указаній; съ благодарностію помянетъ каждый Татищева, чувствовавшего, гдѣ и чего надо искать, сумѣвшего написать такую программу для собиранія этнографическихъ и археологическихъ свѣдѣній, какой (говоря относительно) мы и теперь не имѣемъ, сумѣвшего собрать множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній, къ сожалѣнію только, не понимавшаго всѣхъ условій исторической критики, чего, впрочемъ, отъ него и требовать было нельзя: онъ былъ историкомъ между дѣломъ; онъ былъ ученикъ Петра, по требованію котораго способные люди должны были на все годиться, а Татищевъ былъ одинъ изъ самыхъ способныхъ. Много труда поднялъ на себя цѣлый рядъ академическихъ путешественниковъ, извѣздившихъ Россію и описавшихъ ее во всѣхъ отношеніяхъ: естествоиспытатели по преимуществу, они не чужды были и этнографическаго интереса; сколько памятниковъ, которыхъ уже нѣтъ теперь на лицѣ земли русской, знаемъ мы только изъ ихъ тщательнаго описанія. Глухо тогда было общество на зовъ науки; но уже начинала просыпаться любознательность въ отдѣльныхъ лицахъ: въ Архангельскѣ нашелся Крестининъ ¹⁾, въ Оренбургѣ Рычковъ; много было и другихъ безкорыстныхъ тружениковъ; но здѣсь не мѣсто поминать ихъ; ихъ и такъ помнить каждый, кто занимается дѣломъ. Тѣмъ не менѣе, самые плоды этой работы ждали еще новаго труда: много было

¹⁾ Архангельскій мѣщанинъ, принятый въ 1786 г. въ корреспонденты Академіи Наукъ. Изъ его сочиненій главные: «Исторія о древнихъ обитателяхъ Архангелогородскихъ», 1783 г.; «Историческіе начатки о Двинскомъ народѣ», 1784 г.; «Историческій опытъ о сельскомъ домоводствѣ Двинскаго народа», 1785 г.

собрано, да не все собранное могло годиться; не все то собиралось, что слѣдуетъ собирать, и не все такъ собиралось, какъ слѣдуетъ. Иначе и быть не могло: дѣло новое, всѣ учились сообща — кто приемамъ науки, кто самому свойству и характеру матеріала. Первые были наши русскіе самоучки, вторые — наши учителя Нѣмцы. Въ историческомъ дѣлѣ этихъ послѣднихъ (я говорю о главныхъ) было трое: одинъ не потрудился выучиться по русски, и потому на всю жизнь засѣлъ на Скиѣахъ и на Варягахъ, самъ, впрочемъ, неясно различая годные источники отъ негодныхъ и говоря иногда то что смѣшно каждому русскому человѣку (хоть бы производство Москвы отъ мужика); другой, умный и трудолюбивый, принесъ огромную пользу какъ собиратель матеріала, и даже въ нѣкоторыхъ эпохахъ какъ толкователь (въ смутномъ времени); но его громадной дѣятельности хватило почти только на собираніе и изданіе подручнаго матеріала, который онъ печаталъ тщательно и вѣрно, но всегда по одному списку; третій явился дѣйствительнымъ учителемъ и исторической критикѣ, и историческимъ воззрѣніемъ. Его умъ точный, ѣдкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ узкій, а слѣдовательно, и исключительный, видѣлъ все спасеніе въ Нѣмцахъ, и все понималъ только въ западныхъ формахъ; оттого, оказавъ великія услуги русской наукѣ, этотъ учитель внесъ въ нее и много заблужденій, съ которыми еще и въ наше время приходится бороться. Я говорю о Байерѣ, Миллерѣ и Шлецерѣ.

Накопившійся матеріалъ, по неизмѣнному свойству человѣческой природы, спѣшили связывать, и на его основаніи старались возсоздать зданіе прошлой жизни; исторія нужна была и для цѣлей практическихъ, то какъ учебникъ, то какъ книга для справокъ по разнымъ текущимъ вопросамъ; съ этой-то стороны и Петръ заботился о сочиненіи исторіи; съ этой же стороны принялся за нее и Татищевъ, вызванный къ историческимъ трудамъ потребностью знанія исторіи для сочиненія географіи. Литературныя цѣли явились позднѣе: исторію, какъ литературное произведеніе, началъ писать Ломоносовъ; еще позднѣе является пониманіе исторіи, какъ науки, и какъ науки, уясняющей связь настоящаго съ прошедшимъ; впервые такая мысль мелькнула у Болтина, и въ этомъ его важнѣйшая заслуга. Можно ли, впрочемъ, было ждать сколько-нибудь удовлетворительнаго общаго при неудовлетворительномъ состояніи частныхъ? Охотно признаемъ всю заслугу Татищева, Щербатова, преосвященнаго Платона; но не можемъ не видѣть въ исторіи Татищева пересказа источниковъ безъ всякой критики и даже не всегда съ указаніемъ на нихъ. У Щербатова есть по-

пытка на прагматизмъ; но такъ какъ прагматизмъ былъ еще совершенно невозможенъ, то все дѣло ограничивается простодушными замѣчаниями въ родѣ того, что излишнее благочестіе нашихъ князей сдѣлало ихъ невоинственными, и оттого завоевали Русь Татары, или сравненіемъ древней Руси со Священною Римскою Имперіей въ томъ видѣ, какъ эта послѣдняя существовала въ XVIII вѣкѣ, и т. п. Болтинъ, преосвященный Платонъ высказали много умнаго; но и имъ еще не суждено было воспроизвести древнюю Русь въ живомъ образѣ: у Болтина преобладалъ умъ, и умъ критическій, несмотря на то, что онъ часто поддавался искушенію принимать на вѣру Татищевскія извѣстія; но у него не было творчества; преосвященный же Платонъ занялся только одною стороною русской исторіи, и притомъ уже въ преклонныя лѣта; нельзя не изумляться силѣ его ума, но слѣдуетъ признать, что его трудъ былъ только однимъ изъ камней для возведенія стройнаго зданія.

Таково было положеніе науки исторической въ ту пору, какъ Карамзинъ принялся за свой трудъ; но былъ ли онъ самъ готовъ? Карамзинъ не былъ специалистомъ ни по одной изъ тѣхъ отраслей наукъ, которыя по преимуществу готовятъ историка: онъ не былъ ни филологъ, ни юристъ; специально не подготовленный наукою, онъ не былъ подготовленъ и жизнію: онъ не участвовалъ ни въ дѣлахъ государственныхъ, ни въ переговорахъ. Литераторъ, журналистъ, свѣтскій человѣкъ — вотъ чѣмъ былъ Карамзинъ до своего постриженія въ историка. Съ кѣмъ онъ знакомится въ свое путешествіе, о комъ наиболѣе говоритъ? О философахъ, поэтахъ: Кантъ, Вейссе, Виландъ, Гердеръ, Боннетъ, Лафатеръ — вотъ кого онъ посѣщалъ. Что его занимало въ его путешествіи? Природа, жизнь общественная, литература. Какъ человѣкъ мыслящій, онъ, конечно, не оставался чуждымъ тѣмъ великимъ событіямъ, которыя совершались вокругъ него: кровавыя событія конца XVIII вѣка оставили глубокой слѣдъ на его политическихъ идеалахъ, на его историческихъ воззрѣніяхъ. Не вдаваясь въ подробности, вспомнимъ здѣсь переписку Филалета съ Мелодоромъ (1794): Мелодоръ приходитъ въ отчаяніе отъ ужасовъ революціи, выражаетъ опасенія, чтобы просвѣщеніе не погибло, чтобы не восторжествовали враги наукъ; Филалетъ его утѣшаетъ религіознымъ убѣжденіемъ. Г. Галаховъ справедливо видитъ въ этихъ двухъ лицахъ олицетвореніе двухъ нравственныхъ состояній самаго Карамзина. Въ размышленіяхъ о событіяхъ конца XVIII вѣка созрѣлъ тотъ общій взглядъ, который легъ въ основаніе „Исторіи Государства Россійскаго“: отра-

щаясь отъ ужасовъ террора, Карамзинъ оставался однако вѣренъ требованіямъ, высказаннымъ передовыми людьми XVIII вѣка, требованіямъ просвѣщенія, человѣколюбія; но люди сами по себѣ не могутъ идти къ этой высокой цѣли: имъ нужны вожди. Отсюда ясно, что царствованіе Екатерины II должно было стать идеаломъ для Карамзина. Его „Похвальное слово Екатеринѣ II“ (1801) было выраженіемъ такого образа мысли; этимъ „Словомъ“ Карамзинъ хотѣлъ принести пользу и настоящему. „Исторія есть священная книга царей и народовъ“, говоритъ онъ въ предисловіи къ „Исторіи Государства Россійскаго“, и гдѣ считаетъ нужнымъ и возможнымъ, постоянно прибѣгаетъ къ исторіи. Это „Слово“ одинаково замѣчательно какъ произведеніе литературы и какъ политическое сочиненіе: Карамзинъ, первый нашъ историкъ, былъ у насъ и первымъ политическимъ писателемъ. „Слово“ не даромъ явилось на порогѣ новаго царствованія, не даромъ посвящено имени Государя. Правительственная мудрость Екатерины, выставляемая имъ въ образецъ, умѣніе все дѣлать въ пору и въ мѣру — вотъ что, по мнѣнію Карамзина, составляетъ ея высочайшую славу. Идеальное представленіе образа Екатерины въ этомъ сочиненіи уже свидѣтельствуетъ о высокомъ историческомъ талантѣ Карамзина, и хотя позднѣе, въ „Запискѣ о древней и новой Россіи“, онъ прибавилъ нѣсколько темныхъ штриховъ къ облитой яркимъ свѣтомъ картинѣ ея царствованія, но въ цѣломъ онъ остался вѣренъ этому пониманію, и былъ правъ. Въ этомъ же „Словѣ“ ясно выступаетъ ученіе о преобладающемъ въ исторіи значеніи великихъ людей, — ученіе столь важное для нравственнаго воспитанія и столь удобное для исторической живописи, хотя и не вполне вѣрное исторически. И позднѣе не разъ пользовался Карамзинъ исторіей для политическихъ цѣлей; когда увидѣлъ онъ нововведенія, несогласныя съ его убѣжденіями, онъ написалъ свою знаменитую „Записку о древней и новой Россіи“ (1811) съ высокимъ эпиграфомъ: „Нѣсть льсти на язицѣ моемъ“, и блистательно оправдалъ свой эпиграфъ; къ исторіи же прибѣгъ онъ и тогда, когда нашлись люди въ совѣтѣ Русскаго Императора, желавшіе отмежевать къ Польшѣ западно-русскія губерніи; своею запискою (1819) Карамзинъ содѣйствовалъ неосуществленію этого пагубнаго проекта, и явился, и тутъ, и тамъ, доблестнымъ гражданиномъ, любящимъ свое отечество. Впрочемъ, обѣ эти записки писаны уже тогда, когда далеко подвинувшись въ своемъ великомъ трудѣ, Карамзинъ ближе узналъ и русскую жизнь, и русскую исторію, хотя и остался все тѣмъ же въ своихъ общихъ взглядахъ.

Итакъ, до начала исторической работы Карамзинъ выработывалъ свой общій взглядъ и вмѣстѣ съ тѣмъ развивалъ его и въ обществѣ своею дѣятельностію. Въ политическихъ статьяхъ *Вѣстника Европы* онъ вѣрно судилъ Наполеона, а мелкими историческими статьями распространялъ въ публикѣ вкусъ къ русской исторіи и самъ исподволь готовился къ своему великому труду. Мысль о художественномъ воспроизведеніи русской исторіи давно уже смутно носилась предъ нимъ. „Говорятъ — пишетъ онъ изъ Парижа въ „Письмахъ Русскаго Путешественника“ — что наша исторія менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ умъ, вкусъ, талантъ; можно выбрать, одушевить, раскрасить; читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и пр. могло выйдти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословная князей, ихъ ссоры, междусобія, набѣги Половцевъ не очень любопытны: соглашаюсь; но за чѣмъ наполнять ими цѣлыя томы? Чтò не важно, то можно сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ англійской исторіи; но всѣ черты, которыя означаютъ свойства народа Русскаго, характеръ древнихъ нашихъ героевъ — отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя, описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій — Владиміръ, свой Лудовикъ XI — царь Іоаннъ, свой Кромвель — Годуновъ, и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи, и даже въ исторіи человѣчества; его-то надобно представить, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анджелло.“ Отъ такой исторіи онъ требовалъ философскаго ума, критики, благороднаго краснорѣчія, и образцами выставялъ Тацита, Юма, Робертсона, Гиббона. Чтеніе великихъ историковъ древности и великихъ англійскихъ историковъ XVIII вѣка осталось далеко не безъ вліянія на Карамзина, хотя онъ сознавалъ ихъ недостатки. Такъ, въ Юмѣ осуждалъ онъ холодность къ отечественному; едва-ли также могъ онъ сочувствовать легкомысленному отношенію Гиббона къ христіанству. Но тѣмъ не менѣе историческое изложеніе Карамзина — живое и стройное, съ обращеніемъ вниманія на черты быта, нравовъ, на просвѣщеніе, съ политическими и нравственными разсужденіями, далекое отъ педантизма и легкомыслія — болѣе всего напоминаетъ этихъ историковъ. Признавая достоинство Іоганна Миллера, Карамзинъ, хотя и осторожно, но мѣтко указалъ на главный недостатокъ швейцарскаго историка — на болтливость въ нравственныхъ разсужденіяхъ. „Сіе желаніе блистать умомъ или казаться глу-

бокомысленнымъ едва-ли не противно истинному вкусу“, говоритъ онъ, и прибавляетъ: „Замѣтимъ, что сіи апоѳегмы бываютъ для основательныхъ умовъ или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ цѣны въ исторіи“. Умъ Карамзина, практическій и ясный, склонялъ его болѣе на сторону Англіи, и онъ также оцѣнилъ Юма, мастера образно живописать характеры, объяснять психологическія пружины дѣйствій, какъ первый у насъ оцѣнилъ Шекспира. Все туманное отвращало отъ себя Карамзина: фантазіи о до-исторической Швейцаріи, которыя Миллеръ предпослалъ своей исторіи, Карамзинъ остроумно назвалъ *геологическою поэмой*. Въ древнихъ онъ не одобрялъ выдуманныхъ рѣчей, но хорошо понималъ всё ихъ достоинства: плавный, величавый Ливій ближе всѣхъ къ Карамзину изъ древнихъ. Готовясь къ занятіямъ историческимъ, Карамзинъ прежде всего хотѣлъ познакомиться съ *англійскими* историками и съ *древними*. Въ записной его книжкѣ 1797 г. ¹⁾ записано: „Начну я съ Джиллиса; послѣ буду читать Фергюссона, Гиббона, Робертсона, читать со вниманіемъ и дѣлать выписки, а тамъ примусь за древнихъ авторовъ, особливо за Плутарха“.

Въ то время, какъ Карамзинъ отдалился отъ всего міра и весь погрузился въ свой громадный трудъ, стали появляться одинъ за другимъ новые дѣятели по русской исторіи, съ новыми требованіями, съ лучшими пріемами, съ иными взглядами; къ немногочисленнымъ прежде любителямъ старины (Мусинъ-Пушкинъ, Бантышъ-Каменскій, Малиновскій, Оленинъ и др.) присоединились новые. Одинъ за другимъ явились митрополитъ Евгений, Кругъ, Мербергъ, Френъ, Кепенъ, и др.; около графа Румянцова собирались Калайдовичъ, Григоровичъ и позднѣе всѣхъ Строевъ. Мы здѣсь пересчитываемъ эти почтенныя имена за все время, пока Карамзинъ писалъ свою исторію. Стали появляться и готовиться важныя изданія; зараждалась русская палеографія, русская археологія, русская филологія; составлялись драгоценныя, до сихъ поръ незамѣнимыя пособія, какова Исторія Россійской Іерархіи; находка шла за находкой: найдены Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, Кирилль Туровскій, Кирикъ, и т. д. О находкахъ Карамзина мы скажемъ далѣе. Со всѣми сотрудниками по занятіямъ Карамзинъ былъ въ сношеніи: съ кѣмъ лично, съ кѣмъ чрезъ посредство А. И. Тургенева, живаго, умнаго, даровитаго, Француза по наружности, Русскаго въ душѣ. Никогда не бывъ ученымъ по призванію, Тургеневъ

¹⁾ *Вѣстникъ Европы* 1866 г. кн. II, 166.

былъ въ сношеніяхъ со всѣми учеными и любилъ науку. Карамзину онъ оказалъ важную помощь: то сообщить рѣдкую книгу или рукопись, то не напечатанную статью котораго-нибудь изъ академиковъ. У Карамзина работа книгъла: въ 1805 г. былъ уже готовъ первый томъ, въ 1808 г. уже писался четвертый, въ 1810 г. пятый, въ 1814 г. седьмой, въ 1815 г. осьмой. Въ 1818 г. первые восемь томовъ были въ рукахъ у русской публики. Пушкинъ живо представляетъ первое впечатлѣніе, произведенное Исторіей Государства Россійскаго на тогдашнее общество. Всѣ читали: кто хвалилъ, кто бранилъ — и то и другое безъ доказательствъ. Критики не было до 20-хъ годовъ (первою сколько-нибудь серіозной критикою была статья Лелевеля въ *Сверномъ Архивѣ* 1823 г.). Написать критику было не легко: надо было самому стоять на высокомъ уровнѣ по крайней мѣрѣ по знаніямъ; русская исторія въ полномъ ея объемѣ тогда была извѣстна немногимъ; что же касается до частныхъ замѣчаній, то ихъ присылали самому автору, и онъ помѣщалъ ихъ въ примѣчаніяхъ. (Такъ внесено имъ много замѣтокъ Хомяковскаго, по древней русской географіи).

Что же дала Исторія Государства Россійскаго тогдашнему обществу? что внесла собою въ литературу русской исторіи? чѣмъ важна и нужна для насъ? Посильно и по возможности кратко отвѣчая на эти вопросы, мы должны коснуться Исторіи Государства Россійскаго со стороны нравственныхъ возрѣній (имѣвшихъ глубокое воспитательное значеніе), со стороны художественной, со стороны ея цѣльности и плана, и наконецъ, въ ея отношеніи къ наукѣ. Избираю такой порядокъ разсмотрѣнія именно потому, что въ такой послѣдовательности она дѣйствовала на общество и на каждого изъ насъ въ частности.

Не думаю, чтобы кому-нибудь изъ людей, хорошо знающихъ Исторію Государства Россійскаго (а кто изъ людей сколько-нибудь образованныхъ не знаетъ ея?), показалось страннымъ то мнѣніе, что трудно найти въ какой-либо литературѣ произведеніе болѣе благородное. Оно благородно сочувствіемъ ко всему великому въ природѣ человеческой, благородно отвращеніемъ отъ всего низкаго и грубаго. 9-й томъ Исторіи Карамзина служитъ лучшимъ доказательствомъ, что авторъ не останавливался ни передъ какими соображеніями, если хотѣлъ высказать все свое негодованіе: мягкій, снисходительный, любящій, Карамзинъ умѣлъ быть неумолимъ, когда встрѣчался съ явленіемъ, возмущающимъ его душу; вспомните, съ какимъ негодованіемъ онъ относится къ Грозному, съ какимъ презрѣніемъ къ его окружающимъ. Я выбралъ самый рѣзкій примѣръ, а такихъ примѣровъ можно

найти множество. Карамзинъ не проходитъ ни одного позорнаго дѣянія, чтобы не выразить къ нему своего отвращенія; за то посмотрите, съ какою любовію онъ останавливается на каждомъ свѣтломъ лицѣ, на каждомъ доблестномъ подвигѣ: какъ ярко выходитъ защита Владиміра отъ Татаръ, Куликовская битва; какъ онъ изображаетъ митрополита Филиппа, Владиміра Мономаха, и т. д. Въ нравственномъ чувствѣ Карамзина есть одна высокая сторона, доступная немногимъ: для него не существуетъ Бреново «*vae victis!*»; онъ понимаетъ законность борьбы, историческое значеніе побѣды; но съ сожалѣніемъ, съ участіемъ останавливается на участи побѣжденнаго: его плачь о паденіи Новгорода, по изящному краснорѣчію высокаго нравственнаго чувства, достоинъ стать наряду съ лѣтописнымъ плачемъ о паденіи Пскова. Карамзинъ, какъ и лѣтописецъ (Карамзинъ, разумѣется, еще больше лѣтописца), понимаетъ нравственную неправду, погубившую Новгородъ и Псковъ; но ни тотъ, ни другой не могъ воздержатъ своего сожалѣнія. Карамзинъ еще сверхъ того понимаетъ государственную необходимость; если сердцемъ онъ сожалѣетъ о Новгородѣ, то по разуму онъ на противной сторонѣ. Въ наше время считаютъ, и совершенно основательно, неумѣстнымъ вмѣшательство личнаго чувства; но вспомнивъ, какое сильное воспитательное дѣйствіе имѣли эти выраженія личнаго чувства на нравственное развитіе нѣсколькихъ поколѣній, удержимся осуждать ихъ. Когда-то было въ модѣ нападать на сентиментализмъ (простите за варварское слово), введенный въ русскую литературу Карамзинимъ; но нападающіе забывали, при какихъ обстоятельствахъ это направленіе зародилось въ Германіи и перешло къ намъ: и тамъ, и здѣсь господствовала ужасающая грубость нравовъ (когда-нибудь исторія разберетъ, гдѣ ея было больше и гдѣ она болѣе извинительна: въ ученой ли Германіи, или на границахъ степей Киргизскихъ); поколѣніе, воспитанное Карамзинимъ, уже не могло повторить Куралесова или Солтычиху; по крайней мѣрѣ оно значительно смягчило эти типы. Извѣстная доля преувеличенія, неизбѣжная у всякаго новообращеннаго, перешедшая у послѣдователей Карамзина въ смѣшную крайность, у него самаго съ годами смягчилась, а высокое чувство нравственное оставалось.

Любя хорошее вездѣ, Карамзинъ преимущественно любилъ его въ Россіи. „Чувство: *мы, наше* — говоритъ онъ въ предисловіи къ „Исторіи“ — оживляетъ повѣствованіе, и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ историкѣ, такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви,

нѣтъ и души“. „Для насъ, Русскихъ съ душею — писалъ онъ къ Тургеневу — одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ; все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе. Мыслить, мечтать мы можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣло дѣлать единственно въ Россіи, или нѣтъ гражданина, нѣтъ человѣка, есть только двуножное животное съ брюхомъ“. „Истинный космополитъ — говорить онъ въ предисловіи къ „Исторіи“ — есть существо метафизическое, или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить о немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя“. Слова эти не оставались только *словами*: истинный патріотизмъ, состоящій не въ томъ, чтобы безъ разбора хвалить все, особенно то что льститъ вкусу дня, не разбирая того, какой день — дни вѣдь бываютъ разные — а въ томъ, чтобы по совѣсти сказать правду, — такой патріотизмъ въ высокой степени отличалъ Карамзина: надо было много любить Россію, чтобы написать объ его безсмертныя записки, изъ которыхъ каждая была подвигомъ гражданского мужества. Многіе смотрятъ на „Записку о древней и новой Россіи“ съ той точки зрѣнія, что Карамзинъ слишкомъ стоитъ за учрежденія, отживавшія свой вѣкъ: въ этомъ винить его нельзя, ибо онъ все-таки былъ человѣкомъ своего времени и тогда уже человѣкъ довольно пожилой (ему было 47 лѣтъ, а въ эти годы люди уже рѣдко мѣняются); да еще надо прибавить, что во многихъ случаяхъ онъ былъ правъ: новыя учрежденія не всегда были лучше старыхъ. Надо помнить также, что *исторія* воспитала въ Карамзинѣ осторожную медленность при всякихъ постройкахъ и ломкахъ.

Въ „Исторіи“ патріотическое чувство Карамзина сказалось чрезвычайно ярко и сказалось такъ, что невольно сообщается читателю: онъ страдаетъ во время ига татарскаго, торжествуетъ освобожденіе отъ него, тяготится временемъ Грознаго, негодуетъ на Шуйскаго. Высокій художественный талантъ Карамзина не подлежитъ никакому сомнѣнію; но никакой талантъ не въ состояніи увлечь до такой степени, если бы писатель самъ не чувствовалъ того, что онъ внушаетъ. Только любви дается эта способность живаго представленія, только живя сердцемъ въ изображаемую эпоху, можно перенести въ нее другаго; тутъ мало и ума, и знаній. Карамзинъ, говорятъ, былъ литераторъ, онъ только съ большимъ талантомъ шелъ по тому же направлению, по которому шли Эминъ и Елагинъ. Въ такой формѣ — это совершенная неправда: конечно, Карамзинъ не всѣ явленія понималъ

такъ, какъ ихъ теперь понимаютъ, да все ли хорошо понимаютъ его возражатели, такъ ли они безошибочны, какъ это многимъ кажется? Не надо забывать, какой громадный трудъ принялъ на себя Карамзинъ и какъ онъ много сдѣлалъ, и много сдѣлалъ именно потому, что *любилъ*. Положимъ, что въ свои лица онъ влагалъ кое-что свое, и что теперь исторія старается и должна стараться представлять то что было, а не то что могло быть; но это теперь. А если мы вспомнимъ, что Карамзинъ первый оживилъ столько лицъ, которыя до него казались мрачными тѣнями, и оживилъ именно потому, что въ силу своего патріотическаго чувства отказался отъ прежней мысли сократить древнюю исторію, то и этотъ упрекъ долженъ замереть. Самъ Карамзинъ хорошо понималъ, что первое требованіе отъ историка есть истина. „Не позволяя себѣ никакихъ изобрѣтеній — говоритъ онъ — я искалъ выраженій въ умѣ моемъ, и мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ“, и прибавимъ отъ себя, нашель. Но въ пониманіи прошлаго ничто не дается съ разу, истина не бываетъ абсолютною: ее достигаютъ постепенно, и каждое новое поколѣніе прикладываетъ свое къ наслѣдству отцовъ.

Цѣлостность, единство труда Карамзина сказались въ его заглавіи: „Исторія Государства Россійскаго“. Исторія государства — вотъ главный предметъ этого труда. Государственное единство, по Карамзину, ключъ ко всей русской исторіи. Государство это создалось умомъ и талантомъ московскихъ князей и въ особенности Іоанна III. Говорятъ, что Карамзинъ идеализировалъ Московское Государство, идеализировалъ въ особенности Іоанна, поставилъ его даже выше Петра. Правда, но могъ ли онъ представлять иначе, исходя изъ той мысли, что переворотъ Петра былъ насильственный; а по крутости мѣръ Петровыхъ, онъ инымъ и не могъ представиться въ то время, когда еще не знали многихъ источниковъ, и когда было много людей, именно за то и прославлявшихъ Петра, и даже поставлявшихъ все свое человѣческое достоинство во внѣшнемъ европеизмѣ. Развѣ не могло тогда придти въ голову: да стоить ли эта внѣшность такихъ жертвъ? Къ такой мысли Карамзинъ пришелъ не первый: изъ историковъ ея держался Болгинъ. Выводъ изъ этого былъ ясенъ: Іоаннъ не измѣнялъ обычаевъ, а поставилъ государство на высшую степень; стало быть, Іоаннъ выше Петра. На этомъ Карамзинъ и остановился. То же слѣдуетъ замѣтить и объ идеализованіи Московскаго Государства: первое, что поражаетъ изслѣдователя, это блестящая обстановка, и она естественно должна поразить. Положимъ, что государ-

ственное единство есть единство внѣшнее; но уяснили ли мы себѣ и теперь сущность внутренняго единства Русскаго народа, которое сказывается на нашихъ глазахъ (напримѣръ, въ Галичанахъ)? Прежде она сказывалась въ стремленіи къ единовѣрной Москвѣ Малороссіи, сначала одного берега, а потомъ другаго, а передъ ними еще въ Новгородцахъ, шедшихъ на судъ въ Москву и ни за что не хотѣвшихъ покориться *литовскому* королю. Факты мы знаемъ, какъ зналъ ихъ Карамзинъ, но существенное пониманіе *тайны народной жизни* еще далеко. Внѣшнее единство, приданное русской исторіи Карамзиннымъ, пытались замѣнить внутреннимъ: смѣною началъ и т. п. Конечно, послѣ Карамзина *есть* нѣкоторое движеніе впередъ и въ этомъ отношеніи; но съ другой стороны вопросъ едва-ли не запутался еще болѣе. Карамзинъ былъ правъ. Онъ „пройдя всю эту длинную дорогу, видѣлъ многое на право и на лѣво, требующее изысканій и поясненій, но долженъ былъ оставлять до времени“. (Собственныя его слова, сказанныя М. П. Погодину въ 1826 г.). А большая дорога лежитъ именно тамъ, гдѣ онъ ее искалъ. Исторію *государства* можно было написать; исторію *народа* писать было рано, *да рано и теперь*. Ярко выставить эту сторону русской исторіи — собраніе Русской земли — было большою заслугой передъ наукою, да и передъ обществомъ, которое училось уважать свое прошлое, видѣть въ немъ не исторію варварскаго народа, а исторію народа европейскаго. Карамзинъ часто указываетъ на аналогію съ Европою: такъ поступаетъ и при Іоаннѣ III. Такія аналогіи должны были убѣдительно дѣйствовать на людей, привыкшихъ смотрѣть на Европу и тамъ искать образцевъ и примѣровъ. „Стало быть, и мы тоже имѣемъ исторію, не наполненную только Атиллами и Чингисханами, какъ говорятъ о насъ въ Европѣ“ — вотъ что многимъ могло прійти въ голову, а Карамзина читали многие: нельзя, онъ былъ въ модѣ.

Убѣжденія, сложившіяся у Карамзина, вслѣдствіе размышленій о событіяхъ, совершившихся на его глазахъ, еще болѣе укрѣпились отъ изученія исторіи: сравненіе Іоанна съ Петромъ поддержало въ немъ ту мысль, что прочныя результаты легче достигаются безъ крутыхъ переворотовъ, противъ которыхъ его вооружилъ еще терроръ; Іоаннъ Грозный еще болѣе увеличилъ въ немъ ненависть ко всякому насилию. То обстоятельство, что мысль его обращена была преимущественно къ государственной сторонѣ исторіи, подкрѣпило въ немъ сознаніе необходимости для народа вождей, и слѣдственно, въ необходимости для Россіи самодержавной власти. Въ этомъ случаѣ онъ

сошелся съ мнѣніемъ народа. Изученіе исторіи показало ему, что все дѣло не въ формѣ, а въ томъ; какъ она прилагается. Эта мысль съ особою силою высказывается въ его „Запискѣ о старой и новой Россіи“.

Обращаясь къ чисто-научной сторонѣ „Исторіи Государства Россійскаго“, припомнимъ, въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи была у насъ наука историческая передъ появленіемъ исторіи Карамзина, и увидимъ, какъ великъ былъ его трудъ: хорошо было работать современнымъ ему историкамъ Запада: у нихъ Болландисты, и Бенедиктинцы, и Дюканжъ, и Муратори и Монфоконъ; у нихъ и памятники были изданы, и бібліотеки и архивы въ большемъ порядкѣ, и пособій больше. Въ предисловіи Карамзинъ какъ бы оправдывается въ обилии своихъ примѣчаній; онъ говоритъ: „Множество сдѣланныхъ мною примѣчаній и выписокъ устрашаетъ меня самаго. Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, очищены критикою, то намъ оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая ихъ часть въ рукописяхъ, въ темнотѣ, когда едва-ли что обработано, изъяснено, соглашено, надобно вооружиться терпѣніемъ... Для охотниковъ все бываетъ любопытно: старое имя, слово, малѣйшая черта древности даетъ поводъ къ соображеніямъ“. Карамзинъ говоритъ, что читатель воленъ не заглядывать въ примѣчанія; нашлись издатели, которые задумали избавить читателя отъ этихъ хлопотъ: у насъ есть два изданія (3 и 4) съ сокращенными примѣчаніями, а между тѣмъ примѣчанія — одно изъ правъ Карамзина на безсмертіе.

Много памятниковъ уже издано изъ тѣхъ, которые при Карамзинѣ еще были не изданы, а между тѣмъ примѣчанія сохраняютъ еще все свое значеніе и будутъ сохранять его еще долго, если не всегда: сюда будутъ ходить и за справкою, и за поученіемъ; здѣсь всего виднѣе, какъ работалъ Карамзинъ и какъ слѣдуетъ работать.

Просматривая примѣчанія Карамзина, нельзя не чувствовать глубокаго уваженія къ громадной его работѣ. Едва-ли можно указать большое число памятниковъ, теперь намъ извѣстныхъ, которые были бы неизвѣстны Карамзину: перечислимъ болѣе крупныя. Такъ, у него не было „Домостроя“, „Тверской лѣтописи“, „Панонскихъ житій“, *Несторова*, „Житія Бориса и Глѣба“, „Слова нѣкоего Христолюбца“ и еще немногихъ; но за то какъ громадна масса памятниковъ, которые онъ въ первый разъ нашелъ, или которыми онъ впервые пользовался. Сюда принадлежитъ *Хлѣбниковскій списокъ* (можно считать и *Ипатьевскій*), *Лаврентьевскій*, *Троицкій*, *Ростовскій*, нѣкоторыя изъ Новгородскихъ лѣтописей и едва-ли не обѣ *Псковскія* (впрочемъ, считаю нуж-

нымъ оговориться: Щербатовъ цитуетъ лѣтописи по нумерамъ, и потому трудно сказать, что именно было у него въ рукахъ); потомъ *Даниилъ Паломникъ*, „Иларіонова Похвала Владиміру“, множество житій Святыхъ, множество грамотъ, сказаній. Важно было бы составить списокъ всѣхъ памятниковъ, которыми пользовался Карамзинъ: можетъ-быть, иные изъ нихъ до сихъ поръ ускользаютъ отъ изслѣдователей. И все это онъ прочелъ, изучилъ, провѣрилъ, изъ всего выписалъ самое любопытное и нигдѣ не спутался. Выписывалъ онъ часто то что ему не пригодилось бы самому, но могло бы пригодиться другому. Выписывая, онъ часто подчеркивалъ слова, особенно любопытныя сами по себѣ или по соединенному съ ними факту. Выписывалъ онъ даже изъ памятниковъ, которые не казались ему достовѣрными: такъ, напримѣръ, у него выписано много изъ сказаній Мологскаго діакона *Каменевича-Рвовскаго*, сочиненіе котораго, писанное въ XVII вѣкѣ, онъ нашелъ въ синодальной бібліотекѣ, въ книгѣ: *Древности Россійскаго Государства*; отъ него не ускользнуло и то обстоятельство, что кое-что записано у Каменевича пѣсеннымъ размѣромъ (можетъ-быть, онъ и пользовался пѣснями). Эта любопытная книга, къ сожалѣнію, послѣ ни у кого не была въ рукахъ, а она могла бы, можетъ-быть, повести къ разрѣшенію вопроса о такъ-называемой *Іоакимовской лѣтописи*, напечатанной Татищевымъ по поздней рукописи, съ весьма странною обстановкою, и до сихъ поръ составляющей предметъ спора между нашими учеными. Карамзинъ выписываетъ также разныя баснословныя извѣстія о построеніи Новгорода и Москвы, отмѣчаетъ всегда тѣ свѣдѣнія изъ лѣтописей или Татищевского свода, которыя онъ считаетъ баснословными. Выписки его такъ точны, что даже имѣющіяся печатныя изданія не всегда въ равной степени удовлетворительны. До него никто (кромѣ Миллера и Успенскаго, котораго книга вышла впрочемъ въ 1813 г.) не пользовался такъ много иностранными писателями о Россіи. Встрѣтивъ указанія на неизвѣстный ему матеріалъ, онъ не успокоивался, пока не добывалъ этого матеріала; такъ, съ большимъ трудомъ досталъ онъ себѣ *Баварскаго географа*, но нашелъ его недостовѣрнымъ.

Встрѣчающіяся въ памятникахъ слова, вышедшія изъ употребленія, онъ старается объяснить, и объясняетъ большею частію вѣрно, для чего ему нужны бывають выписки изъ другихъ памятниковъ, совершенно другаго времени. Конечно, не будучи филологомъ, Карамзинъ объясняетъ слово только сличеніемъ текстовъ и не прибѣгаетъ къ филологическимъ соображеніямъ, даже не всегда пользуется помощію другихъ славянскихъ нарѣчій.

Каждый памятникъ онъ подвергаетъ критикѣ, и критикѣ всегда удачной; такъ, превосходно разобрано „Житіе Константина Муромскаго, Дѣяніе собора на Мартина Армянина“. Въ лѣтописяхъ онъ также нерѣдко указываетъ на ихъ составныя части: такъ, въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ онъ очень основательно подмѣтилъ одно чисто Новгородское сказаніе; помощью приписки на Остромировомъ Евангеліи возстановилъ одинъ годъ въ лѣтописи; указываетъ въ Кіевской лѣтописи одно извѣстіе, записанное, вѣроятно, въ Черниговѣ, и т. д. Не довольствуясь нашими бібліотеками и архивами, ищетъ возможности получать нужные для него документы и изъ архивовъ заграничныхъ: такъ, изъ Кенигсбергскаго архива ему доставляется много интересныхъ бумагъ, между прочимъ, грамоты Галицкихъ князей, о которыхъ только изъ этихъ грамотъ и можно было получить нѣкоторыя свѣдѣнія; такъ, черезъ *Муравьева* ищетъ онъ возможности добыть переписку папъ изъ Ватиканскаго архива, и т. д.

Памятники вещественные интересуютъ его такъ же, какъ и памятники письменные: онъ собираетъ все извѣстія о святыняхъ, хранимой въ ризницахъ, о раскопкахъ, кладахъ, зданіяхъ, — словомъ, обо всемъ, что сохранилось отъ жизни нашихъ предковъ. Имъ помѣщены рисунки буквъ Десятинной церкви, изображеніе стариннаго рубля, буквы зрянской азбуки Стефана Пермскаго. Когда въ наличныхъ источникахъ онъ не находитъ требуемыхъ свѣдѣній, то вступаетъ въ переписку съ мѣстными жителями и получаетъ нужное свѣдѣніе на мѣстѣ.

Все что возбуждаетъ какой-либо вопросъ касательно древностей, не остается у Карамзина безъ изслѣдованія: какая-нибудь сомнительная дата, генеалогія того или другаго князя, банное строеніе, старинный русскій счетъ, вѣсы и монеты, и т. д., и т. д. Все чужія мнѣнія тщательно разсматриваются и провѣряются. Изслѣдованія Карамзина обыкновенно чрезвычайно точны и могутъ опровергаться только столь же точными изслѣдованіями или новыми памятниками.

Замѣтки, которыя присылали къ нему, онъ всегда вносилъ и всегда указывалъ, кто ихъ доставилъ. Въ 5-мъ изданіи есть нѣсколько такихъ замѣтокъ, найденныхъ на поляхъ его собственнаго экземпляра и написанныхъ уже послѣ выхода втораго изданія, послѣдняго при жизни автора.

Словомъ, на пространствѣ времени до 1611 г. немного найдется вопросовъ, которые бы онъ не предвидѣлъ и на которые нельзя было бы найти у него рѣшенія, указанія или по крайней мѣрѣ намека. Кто самъ работалъ, тотъ пойметъ, сколько трудовъ нужно было упо-

требить, чтобы собрать такую массу свѣдѣній, тому покажется страннымъ только одно: какъ успѣлъ собрать все это Карамзинъ въ 22 года, если еще припомнимъ притомъ, что въ послѣднее время онъ уже старѣлъ и былъ часто боленъ и что наконецъ, самое изложеніе требовало много времени; много времени уходило на соображенія. Этою-то своею стороною исторія Карамзина особенно сильна и въ наше время: можно утверждать, что онъ не такъ изобразилъ ту или другую эпоху, то или другое лицо, и быть правымъ, но отвергать въ немъ великаго ученаго, утверждать, что онъ былъ только литераторъ, нельзя. Сюда, въ эти примѣчанія, долженъ ходить учиться каждый занимающийся русскою исторіей, и каждому будетъ чему тутъ поучиться.

Въ Карамзинѣ мы видѣли рѣдкое соединеніе силъ, которыя по большей части встрѣчаются порознь: огромнаго таланта и изумительнаго трудолюбія. Это — ученый; но въ немъ есть еще человѣкъ, а человѣка Карамзинъ цѣнилъ въ себѣ болѣе, чѣмъ историка. „Жизнь — писалъ онъ къ Тургеневу — есть не писать исторію, не писать трагедію или комедію, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душою къ его источнику: все другое, любезный мой пріятель, есть шелуха — не исключая и моихъ восьми или девяти томовъ“. Писатель и человѣкъ тѣсно сливались въ Карамзинѣ въ одно гармоническое цѣлое; никогда слово его не противорѣчило дѣлу, и этотъ одинъ изъ самыхъ гениальныхъ людей Русской земли былъ, если не самый чистый, то одинъ изъ самыхъ чистыхъ. Чѣмъ болѣе узнаемъ мы его, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе къ нему привязываемся, тѣмъ сильнѣе развивается желаніе еще болѣе познакомиться съ нимъ. Я сказалъ въ началѣ, что образы, имъ возсозданные, становились для насъ свѣтлыми маяками; но надъ ними еще ярче горитъ его собственный образъ, высокій образъ благороднаго человѣка, честнаго гражданина и неутомимаго труженика. Въ нашемъ молодомъ, не установившемся обществѣ, эти качества всего дороже. Такой талантъ, какой былъ у Карамзина — рѣдкій даръ природы, и Богъ знаетъ, когда мы дождемся другаго Карамзина въ области русской исторіи; но каждый долженъ работать — по мѣрѣ силъ, каждый долженъ стараться искать истины и честно служить ей. Въ этомъ да служить Карамзинъ образцомъ всѣмъ намъ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ печатнѣ В. Головина, у Владимирской, домъ № 15.